

Андрей Горохов

ПАНКИ: ВЗГЛЯД ИЗ МОСКВЫ

Ленинградская легенда о происхождении панк-движения утверждает, что на территории СССР первые панки появились в Прибалтике в начале 80-х. Эстонские панки были 13-14-летними подростками, носившими самодельную одежду — “самоштрочный прикид”, довольно вычурную и сварганенную с вызовом общественному вкусу. Некий эстонский панк носил куртку, сделанную из подошв зеленых резиновых тапочек. Это были очень смирные и веселые ребята, и панк-стиль был для них своеобразным маскарадом.

Первыми ленинградскими панками стали Свинья, Цой (будущий лидер рок-группы “Кино”), Рыба и Птеродактиль. Панк-стиль становится стилем эпатажа, вызова, неадекватной реакции и злобной пародии. Панк-стиль в Ленинграде был реакцией против сытых спекулянтов — мажоров, хайлайфистов, золотой молодежи, носившей вещи западного производства, которые приобретались ими на валюту. Пытаясь найти свое “я”, преодолевая ложные интересы и вкусы, стремления и привычки, ленинградские панки стремились путем неадекватного поведения избавиться от комплекса неполноценности и найти свое место в тотальном застое. Сочетая горькие жалобы на свое униженное существование с эпатирующим, но однообразным поведением, панки вели жалкую жизнь. За это бодрые металлисты их прозвали “слизняками”. Панки обижались, но были всегда биты. Ведь сила на стороне металлиста, который менее обделен мамой-природой и папой — совслужащим. Но экзистенциальная правда всегда была на стороне панка, которому открыты глубочайшие прозрения в собственное существование и в свою судьбу, от чего металлист надежно застрахован не столько псевдогероическим мифом, сколько выездными родителями, привозящими из-за бугра куртку с клепками и модные диски. Впрочем, это справедливо лишь для столичных металлистов. Провинциальный металлист, затерроризи-

рованный спекулянтами и милиционерами, мало чем отличается от рядового советского панка.

Первые московские панки в отличие от ленинградских были мелкими спекулянтами и большими модниками, одевались фирменно, не афишировали себя и вели замкнутый образ жизни. Они брили виски и носили английские булавки, приколотые к рукаву или штанине. По количеству булавок определялся ранг, статус или чин в их внутренней иерархии. Чтобы выглядеть "как панк" достаточно было носить одну булавку, вся остальная одежда значения не имела. Панки вместе пили, устраивали сексуальные оргии типа "ромашки": голые девочки ложились по кругу ступнями вместе, а мальчики соревновались, кто сумеет совокупиться больше всех или даже завершить весь круг. Общественное мнение считало, что "панк" и "фашист" — синонимы.

Отвращение и презрение к существующему строю широко распространено среди модной и, особенно, валютно-фарцовой молодежи. С расширением панк-движения, включением в него пролетарски-мещанских отпрысков Москвы и ближнего Подмосковья выяснилось, что фирменных шмоток на всех не хватит, да и валютой не все обеспечены в равной мере. Нигилизм и анархизм требовали выражения.

Новая панк-мода, завезенная в Москву Гарриком Коломейчуком, представителем ленинградского объединения "АССА" (возможный перевод — "Ассоциация Сексуально Свободных Анархистов") требовала покупать одежду только в магазинах дешевой распродажи на колхозных рынках, брить голову пятнами, отпускать косички, заливать волосы лаком, одеваться не по размеру и не по сезону в старье диких расцветок и фасонов с сильным провинциальным шиком, веселиться и кривляться, танцевать, прыгая и размахивая над головой своей одеждой, плевать сквозь зубы и показывать слюнявый язык. Предписывалось носить значки с портретами Ленина, серпом и молотом. Плотина была прорвана! И хотя элитная публика московских рок-концертов сильно отличалась от учащихся ПТУ, носивших вязаные шапки, телогрейки с закатанными рукавами, пятнистые штаны "под десантника" и тяжелые сапоги, все вместе были едины в порыве обиды и ненависти.

Среда советского неэлитарного общежития, породившая панков, их же в себе и растворила. Панком стал каждый подросток, не развитый ни интеллектуально (иначе — буддизм, троцкизм, технократия и конформизм), ни физически (иначе — хэви-металл или культуризм), и не имеющий никаких творческих способностей (иначе — спекуляция и халтура, или авангард и "новая волна").

Панк в своем мире

Панк — представитель низшей ступени самораспада культуры, поэтому пропасть между панком и породившими и воспитавшими его условиями, по мнению панк-группы "ДК", преодолена:

Я — Вася Федотов — народный герой,
Известный в народе своей мудротой.
Нашли меня в урне, и в ней я живу,
И урну родную как мамку люблю.

Панк ни к чему не способен и ничего не хочет делать. Всех, кто за внешней суетой пытается скрыть внутреннюю пустоту, он считает идиотами и лжецами. Нормальным он считает того, кто не скрывает свою пустоту, дефективность и никчемность, то есть себя самого.

В мире много талантливых людей,
А мы по сравнению с ними — ничтожества,
Но у нас сейчас приоритет,
Потому что нас — множество!
(Свинья)

Панк уверен, что все окружающие страдают и мучаются, но, вынужденные блюсти условности, скрывают это и делают вид, что хорошо устроились. Это раздражает панка. Он считает необходимым выразить публично свою депрессию и боль, разрушив стену лжи, молчания и непонимания. Для панка невыносимо, когда он — никто. Панк оскорбляет и эпатирует окружающих, стремясь вступить с ними в любые человекообразные отношения, стать для людей хоть кем-то живым и одновременно оживить их.

Панк не выносит ни фальши, ни притворства. Стремясь к подлинному существованию, он вынужден искренне продемонстрировать свою ублюдочную сущность.

Панк не ищет для себя никакой выгоды, часто вредит себе. Одного тихого, скромного и застенчивого мальчика, исключенного из техникума за неуспеваемость и прогулы, родители по большому благу устроили в контору. В первый день он пришел туда, выбрив половину головы, а другую половину покрасив зеленкой, нарядившись в розовые резиновые сапоги и вдев в ухо металлический крест, чего не мог сделать в учебном заведении. "Ты панк?" — спросили его. "Да какой я там панк..." — был задумчивый и скромный ответ. Выгнанный из конторы он ушел в армию.

Панк живет в мире жестоких обстоятельств, в мире насилия и постоянных угроз. Он угнетен и затерроризирован своим агрессивным окружением, ему некуда спрятаться. У него нет ничего "своего", "внутреннего", никакой надежды и никакого оправдания. Панк страшно одинок. Лишенный

внутреннего мира, будучи лишь обломком чего-то разрушенного, он не может рассчитывать на поддержку и понимание, потому что понимать и поддерживать у него нечего. Панк ничего не имеет и ни во что не верит. Окружающий мир для него — гнилая и злобная помойка, состоящая из отбросов и обломков, сваленных как попало. Все явления окружающей действительности предстают перед панком в их внешней, случайной и абсурдной связи. Все разрозненные элементы бытия объединены не общим происхождением, не духовной или символической близостью, но общей участью распада и вырождения:

Валяется друг, как свинья,
В облеванном пиджаке.
Друг, потерпи, скоро я
Лягу невдалеке.

(“ДК”)

Это мироощущение можно найти и в неприязненных взаимоотношениях панков между собой; и в панк-поэзии, часто состоящей из бесконечной и бессмысленной цепочки несвязанных слов и фраз, даже не претендующих на то, чтобы быть образами; и в музыке панк-рока, где единство композиции достигается не целостностью структуры, но навязчивым повторением одного и того же примитивного пассажа.

С обывательской точки зрения панк — нигилист. Он якобы отрицает важность и ценность общественных институтов, учреждений и установок, общественного мнения и общечеловеческой морали. В действительности, все это для панка не существует, он не видит в жизни ничего, что представляет реальную ценность. Он совсем не хочет уничтожать, но он не может не испытывать боли от того, что все уже уничтожено.

Панк — противник действий, изменений. Сама жизнь панка замирает в одном состоянии с того момента, как он открыл для себя, что жизнь — помойка. Панк вовсе не желает привести общество в состояние анархии, он уже живет в окончательно разрушенном мире и упрямо не хочет ничего иного.

Для панка все равно, чем тыкать в лицо обывателю или чиновнику. Поэтому именно он и определяет (от противного), каким должно быть панк-поведение и какой должна быть панк-поэзия.

Несколько “запретных” (для школьника и для прессы) тем — секс, алкоголь, испражнения — исчерпывают всю иконографию панк-искусства, которое не творит образов и сюжетов, но ограничивается употреблением того, что “пойдет”. Чуждое социальному протесту, согласное со всем

панк-искусство не срывает ни с кого маску, но упрямо дудит в свою дуду.

Быть настоящим панк-поэтом довольно сложно, ведь требуется непосредственное, ясное, без занудных метафор заявление плоского, определенного и неизменного факта:

Я — мразь, ты — мразь.
Будущего нет

(панк-поэт Вишня)

Утрирование и гиперболизация образов, поиск жестоких и грубых физиологических параллелей, яркость живописуемых картин разрушают лапидарный панк-стиль и заставляют его имитировать, но это уже “новая волна”, делающая вид, что она — настоящий панк, как когда-то и сам панк делал вид, что он — тривиальное хулиганство.

Панк — паяц. Это — единственный доступный ему кайф, конечно, кроме чисто физиологических — алкоголя и секса. Провокация, ирония, издевательство над продуктами поп-культуры — от культа образцовой любви до культа гениального генсека, составляют огромную часть интеллектуального багажа панк-сознания.

Муха — источник заразы,
Сказал мне один чувак.
Муха — источник заразы?
Я знаю, что не так.
Источник заразы — это ты!
Муха моя, как пряник,
Жирная и блестит.
Муха моя, как пряник,
Имеет опрятный вид.
Не то, что ты — источник заразы!
(“Звуки Му”)

Панк и алкоголизм

Ежедневные пьянки — неременный атрибут неформального и нонконформистского образа жизни. Пьющие карьеристы и конформисты склонны лицемерно осуждать употребление алкоголя. Поэтому неофициальная культура, для которой нет запретных зон, усиленно эстетизирует и реабилитирует пьяный советский образ жизни. Алкоголь — решение всех проблем, алкоголь — средство унять боль и страх, средство быть собой.

Я купил себе вина,
Я напьюсь его сполна.
(“ДК”)

Пьяное настоящее есть единственная альтернатива ужасному прошлому, кошмарному, беспросветному будущему. Нечего вспомнить — одни разочарования, утраты и боль. Не на что надеяться.

Нет ничего впереди?
В прошедшем тоже тоска.
Видишь, одеколон
Сладким стал как мускат.
(“ДК”)

В творчестве Сергея Жарикова и его группы “ДК” алкоголь — знак поражения человека в его попытках прорвать сжимающее кольцо безжалостной и бессмысленной жизни.

Герой Петра Мамонова из “Звуков Му” объясняется в любви к бутылке водки, обвивая руками ее талию и нежное, хрупкое и тонкое горло. Но прошла ночь любви, и опустошенную бутылку придется сдать во имя новой любви — новой бутылки водки. В советской контр-культуре возник новый символ — единое переплетение любви и алкоголя вместо традиционного противопоставления любви и смерти.

Все, что я тебе спою — все будет из резины.
Ох, как я тебя хочу возле магазина.
Я так люблю бумажные цветы.
Я так хочу, чтоб голая ходила ты.
Я так хочу, чтоб пьяная ходила ты.
Все, что я тебе сказал — все стало из картона.
Я тебя поцеловал — крокодил зеленый.
(“Звуки Му”)

Демонстрация своего отвратительно пьяного состояния, афиширование своего пристрастия к общественно-осуждаемому алкоголю позволяет панку быть свободным и независимым в узкой области запретного и ненормального. Здесь акцент не на свободе и независимости (панк в реальности очень несвободен и во многом зависим), а на том, чтобы действительно быть таким, каким кажешься, в отличие от конформистского призыва “быть, а не казаться”.

Выполняя план общества по искоренению всякой гнили, панк отравляет, разрушает, уничтожает себя алкоголем, вполне соглашаясь с обществом как в оценке алкоголизма, так и в оценке себя самого. Он не строит иллюзий насчет

своих достоинств двоечника, дебила, хама, паяца, грубияна и развратника.

Противники и защитники панка

Критикуя современную молодежь, старшие поколения — “отцы” и особенно “деды” — ясно видят антиобщественную сущность панков и уже не сокрушаются об утраченном поколении, но возмущаются и протестуют. Иногда этот протест смешон — например, панка обвиняют в антипатриотизме (что справедливо, ведь панк не питает приязни к Советскому Отечеству) на основании того, что на его одежде — надписи из “иностранных букв”, как выразился по ТВ один генерал. На самом же деле, “деды”, склонные считать свое незнание иностранных языков патриотизмом, смертельно боятся услышать от молодежи ясное и бескомпромиссное объяснение своей позиции.

Деятели комсомола, вожди и карьеристы, желая угодить “новому мышлению”, вынуждены поддерживать “поиск молодых”. Мол, панки, как и прочие неформалы, по своей “внутренней” сущности нормальные и хорошие советские ребята, и, несмотря на их мерзкую наружность, отречься от них нельзя. Вспомните себя в 16, 20, 28 лет, разве вы не были такими же? То есть, разве вы не пили одеколон и не нюхали бензин, не участвовали в сексуальных оргиях с 14 лет, не дрались велосипедными цепями, не носили кожаные майки с молниями, шипами и булавками, не красили веки и губы в черный и синий цвета, не мазали голову автолом, не спекулировали, чем попало, не раздевались донага на рок-концертах, не матерились по пути в отделение милиции и не мочились в уличные урны по пути оттуда?

НЕТ!!! — восклицают “деды” — полковники и партработники, писатели и врачи, педагоги и космонавты. Мы были другими! Ну вспомните, вспомните, — увещевают их лохматые журналисты и бодрые комсомольские функционеры. Разве не гоняли вы голубей и не тыкали друг в друга напильниками, разве не пели блатных песен? А какие сейчас вы? Хорошие и советские. Так и эти ребята будут хорошими и советскими, когда подрастут. Надо только терпимее, с юмором, со скидкой на возраст и с прибавкой на прогресс относиться к двум серьгам в одном ухе, пятиконечной звезде на щеке, знакам ⚡ на груди, кирзовым сапогам с надписью “fuck out!”, к папиросе, прилипшей к нижней губе, с осоловелому взгляду всегда пьяных и наглых глаз, не обещающих и не ждущих ничего хорошего. Это возрастное, это пройдет, — настаивает апологет нового стиля.

Аргументы сторон основываются на внешнем эмоциональном впечатлении и сводятся к "это гадость и мерзость" и "но имеют право". Но ни обвинители неосталинисты, ни их оппоненты — защитники демократии не понимают, откуда панки взялись и зачем им нужно быть такими, какие они есть.

Панк-рок в СССР

Концерт в Быково

Солнечное апрельское воскресенье 1988 года. Сегодня праздник русской православной церкви — Красная горка, и районное начальство подмосковного городка Быково, выполняя план атеистического воспитания, решило развлечь молодежь запретным в обычное время плодом — фестивалем панк-рока.

Грязно-коричневый одноэтажный сарай — клуб и кинотеатр — на просторах колхозных полей. Ближайшее жилище — в нескольких километрах. В замусоренном кинотеатре холодно, сыро и сильно накурено. В зале полумрак, хотя желто-зеленые лампы-шары всюду источают трупный свет. На сцене, которая увешана плакатами с пролетариями и призывами поддерживать перестройку и не разносить СПИД, врубает звук какая-то группа. Аппаратура очень плохая, акустика зала безобразная, инструменты не настроены, ребята играть, похоже, не умеют. Скрежет и скрип невероятные, звук пространства не наполняет и действует едкой кислотой на уши, ввинчивается в мозг ржавым шурупом. Слышны вскрики вокалиста: "Горбатого могила исправит... Горбтому — свой гроб горбатый... Могила горбатая над гробом". Припев из единственной фразы: "Морда дохлой лошади!" монотонно повторяется десяток раз после каждого куплета. Музыканты не слышат самих себя, поэтому время от времени спускаются в зал, чтобы узнать, что слышат зрители.

Невозможно понять — то ли это репетиция, то ли настройка аппаратуры, то ли уже концерт, с начала которого, если верить билетам, прошло полтора часа. В перерывах между куплетами гитарист требует усилить гитару, которая своим ревом и так заглушает бас, ударные и вокалиста, осипшего от надрывного крика про "морду дохлой лошади". Композиция тянется минут десять-пятнадцать.

Публика много курит, пьет пиво, обычно дефицитное, но сегодня продающееся по случаю православного праздника. Пустые бутылки катаются по полу. Зал в постоянном движении, кто-то приходит, кто-то уходит. Большинство зрителей находятся в депрессивном отупении. Двигаться и говорить у

них нет ни сил, ни желания. Еще через полчаса пытки публика впадает в вязкое оцепенение. Стихает даже истерический смех девиц. Головы вжаты в ссутулившиеся плечи — холодно, как в холодильнике, сыро, как в болоте, накурено, как в уборной. Клубы дыма. Удушье. Дикая головная боль. Непрекращающийся скрежет и вибрация железного монстра. Счет времени потерян. Внезапно звук прекращается, но облегчения не наступает. Заявив, что они хорошо играли, а у пульта — дерьмо, и аппаратура — дерьмо, группа уходит. Правда, у пульта, управляющего аппаратурой, никто не сидит.

Выходит следующая группа — очень длинные волосы, у кого-то даже бороды. Это "Чудо-юдо". Они долго, с полчаса, делают вид, что меняют микрофоны, настраивают гитары, двигают барабаны, орут кому-то у пульта, чтобы подкрутили ручки. Зрители мертвы. Им все равно. Вдруг заиграли. Не зря настраивались. Слова песни почти различимы. Что-то вроде — "мне плевать на Указ* и я делаю что хочу и пью что хочу, а вот сейчас пустые бутылки несусь сдавать в магазин не стой у меня на пути мой путь в магазин ах бутылки ах бутылки ай-люли ай-люли". Это "народная песня" о посуде, остающейся после выпивок. Старая посуда опять обменивается на новую посуду с новым содержимым. Мотив символический — пародирует обновление природы и кругооборот жизни. Публика, подбадривая музыкантов, одобрительно кричит. Все-таки какой-никакой огрыз в сторону власти — антиалкогольная кампания всем осточертела. Музыка у этого "Чуда-юда" какая-то странная — дерганая, скачущая, с извивающимся ритмом, — производит впечатление чего-то игрушечного, заводного и испорченного. Впрочем, после первой же песни группа уходит, к большому удивлению аудитории. Теперь понятно — музыканты пробовали аппаратуру, концерт — впереди!

На сцене все время какое-то движение, толкотня. Вот на задник сцены повесили портрет Брежнева, вогнав кнопки прямо в лоб. Публика рада. Включили софит и направили его в зал, в глаза зрителям. Все возмущены, но прожектор горел до конца концерта.

Группа "Нечистая сила" прибыла из Новгорода без инструментов, но вот уже несут бас-гитару. Чтобы настроить инструмент, гитаристу предлагают сыграть "традишинэл блюз", но он не реагирует. Похоже, он сильно пьян. Публика возмущается: "Не травмируйте музыканта!" Решают играть без баса. Вместо него появляется скрипач, раздевается до розовых трусов и начинает извлекать из своего инструмента мерзкие звуки. Забился в судороге ударник — поехали! Вокалист ревет, как медведь, но слова не различимы. Стиль музыки — нечто среднее между хард-роком и горным обва-

* Имеется в виду Указ о борьбе с пьянством.

лом. После двух песен вокалист предлагает группе покинуть сцену, так как музыка заглушает слова, берет в руки чужую электрогитару и поет длинную песню "а ля частушка", сдобренную большим количеством мата и иронии по поводу патриотического воспитания пионеров ветеранами войны и труда. Герой песни — ветеран, который в детстве был хулиганом и шпаной, а вот теперь сам воспитывает шпану. Исполнитель уходит под одобрительные крики: "Приезжай еще! Ты хороший!"

В зал входит наряд милиции, сурово озирает происходящее. На сцену вылезает худенький паренек и орет в микрофон: "Мы хулиганим?" — Зал вопит: "Нет!" — "Мы пьем водку?" — "Нет!" — "Нам Горбачев разрешил слушать рок?" — "ДА!!!" — "И мы будем его слушать!" Милиция, видя такой поворот дела, уходит. Публика приободряется.

Следующая группа — никому не известная "Сексуальная оппозиция". Черные очки, черные куртки, бритые ежиком волосы. Все — взрослые дяди, и их маскарад раздражает молодежь. Задергались и заколотили. Вокалист, трясущийся как кукла-марионетка, засовывает микрофон между ног, демонстрируя, вероятно, свою сексуальную агрессивность. Песни про Афганистан, про несчастную любовь на фоне вечных пьянок, про ценность независимых суждений. Музыка манерна и вяла. Общее мнение: это не панк, а расслабуха и дрянь. Публика рада, когда группа уходит. Вокалист, хватаясь за рекламную соломинку, кричит: "Мы — сексуальная оппозиция!" Из зала ему заявляют: "У нас секса нет".

На сцену выносят женский манекен в форме милиционера. Жирный ерничающий тип читает в микрофон статью против рока из газеты "Правда". Публика добродушно смеется. Это начинает свое выступление "НИИ косметики" — сверхпопулярная группа неофициального панк-рока. Зал просыпается, депрессия сменяется маниакальной оживленностью. На сцене — некто в широком клетчатом пиджаке, узких и коротких брюках, волосы стоят дыбом, глаза и губы накрашены. На шее висит с дюжину каких-то предметов, весь пиджак покрыт значками. Это лидер группы панк Мефодий. Музыканты, прилично и со вкусом одетые, кто в советский флаг, кто в белогвардейский китель с аксельбантами, производят впечатление людей интеллигентных и культурных, собранных и спокойных, делающих свое дело профессионально, без кривлянья и заигрывания с публикой.

СПИД, СПИД, СПИД, СПИД в Москве.

Я, ты, он, она — СПИДом вся больна страна.

Резкий, упруго-резиновый ритм, рваная гитарная партия, сильный и наглый голос, рвущий барабанные перепонки. Группа хорошо сыграна, гитары и клавишные не отстают от ударника. Композиции идут почти без перерыва, зал впадает

в экстаз, всех трясет. На сцене мелькают слайды то с частями обнаженного женского тела, то с портретом Брежнева. Длинный узкий зрительный зал погружен в темноту, сцена залита неярким красным светом, в глаза зрителям бьет софит. Много песен со сценами насилия, ужаса, абсурда и секса. "Сексуальный дезертир" — о бедном солдате, которому службу приходится отбывать в форме сексуальной повинности. "Куртизанский кооператив" — о публичном доме на кооперативных началах, и о стоящих перед ним проблемах. Песня в защиту животных, навеянная воспоминаниями о сбитой автомобилем собачке и о ее раздавленных внутренностях, которые стали для героя песни символом гуманизма. Песня о красивом десантнике, которого ждет одинокая женщина в далеком городке. Исполняя эту песню-танго, Мефодий в женском платье подходит к огромному портрету Брежнева в маршальском облачении и прижимается к нему телом, гладит нежно его лицо и пронзительным голосом верещит: "Где ты, мой десантник?"

На сцене все время танцуют две полуголые девицы. Мефодий раздевает манекен милиционера, издевается над ним, потом отламывает ему ноги. Музыка не прекращается ни на минуту. Плотный ритм, кажется, застыл в пространстве, упершись в стены и в головы фанов. Многие танцуют. В публике время от времени раздается мощный вопль, покрывающий железный грохот инструментов.

Отыграв минут сорок, "НИИ косметики" уходит. Наконец, после пяти часов музыки объявляют перерыв. Публика с ощущением исполненного долга вываливается из зала покурить и подышать воздухом. После перерыва будут "Чудюдо", "Веселые картинки" и что-то еще. Но у нас уже нет сил, и мы вместе с большой командой фанов уезжаем в Москву.

Музыкальный стандарт панк-рока

В панк-роке музыка не имеет большого значения, целиком подчиняясь тексту. Основная масса панковых рок-групп в качестве музыкального фона использует набор общеупотребимых, общеизвестных и общедоступных штампов.

Мелодии нет, она заменена интонацией, особой манерой произносить слова. Как правило, вокалисты гласных не тянут, интервалов между словами и фразами не оставляют, отчего их партия превращается в скороговорку с повизгиванием под плотный и резкий ритм. Панк-рок — это быстрое, невыразительное, лишенное драматизма, проговаривание панк-стихов под однообразно-рваное чавканье гитары и резкий без вариаций и орнамента стук ударных. Энергичное

лязгание и скрежет — результат воспроизведения одного и того же изолированного звукового элемента, чаще всего комбинации одного-двух аккордов, точно попадающих в ритм ударных. Все вместе создает фактуру, неизменную, тоскливую и тупую, как рисунок обоев, как кладка грязной кирпичной стены или как стук в неисправном двигателе внутреннего сгорания.

Практически все панк-группы играют в этом монотонно-жестком, но все-таки "камерном" (по сравнению с космическими хеви-металл и электро-поп) стиле панк-стандарта. Это "Автоматический удовлетворитель", "Алиса", "Объект насмешек" из Ленинграда, "НИИ косметики" и "Тупые" из Москвы, "Бомж" из Новосибирска и многие другие.

Отсутствие внутренней музыкальной и ритмической структуры в панк-роке приводит к тому, что разные композиции отличаются только темпом: очень быстро, оживленно или полутруппно. В последнем случае характер музыки становится рыхлым, заторможенным, каким-то расслабленным и сонным. Чтобы преодолеть эту вялость, музыкантам, которые не могут обогатить звучание, дабы не выйти из стиля, приходится растягивать свои "баллады", доводя публику до иступления медленным высасыванием из нее энергии и воли к жизни.

Пренебрежение музыкальными формами приводит к крайней неразвитости и однообразию панк-музыки, лишает музыкантов творческого роста. Они замирают на том уровне, на котором начали свою работу в панк-группе. Это одна из причин появления множества безобразных в музыкальном отношении групп. Но если музыканты желают играть богатую и сочную музыку, они прорывают границу жесткого стиля грубой и суровой молотилки.

Покидая андерграунд и приобретая "хороший вкус", панк-рок попадает либо в рок-стандарт ("Ва-банк", "Зоопарк", "Центр"), либо в "новую волну" ("Кино", "Аукцион", "Це мент", "Удафф", "Телевизор"). В таких случаях речь идет уже не о радикальном выражении ненависти и боли, а об "интересе к социальным проблемам", как пишет комсомольская пресса, отпуская комплименты безобидному "колбасному" року.

Сдвиг в "новую волну" генетически должен приводить к интеллектуальной концепции музыки и текста, на что бывшие панки оказываются неспособны. Группы становятся скучными жертвами конформизма, который выхолащивает их тексты, и уже мало чем отличаются от западных и советских образцов массовой культуры.

* То есть озабоченному отсутствием колбасы в провинциальных магазинах. (А.Г.).

Стандарт панк-шоу

Панк, как антисоциальное и антикультурное явление, не способен законченно, ясно и убедительно выразить свое видение мира. Поэтому на вооружении у панков набор стандартных средств и приемов, которые помогают ему проявлять публично свою сущность, радуя своих и пугая чужих.

Чтобы музыканты могли считать себя панк-группой, им необходимо особо причесаться, все время щуриться, словно от яркого света, часто открывать рот, выворачивая губы наружу и высывая язык как можно дальше. Вокалист должен плевать, делать резкие жесты руками (лучше непристойные), изредка судорожно дергаться. Ослабившись и прищурясь, изображать из себя подонка, дебила и циника со слюнявым ртом. Демонстрировать свою голую задницу не обязательно, но можно. В текстах песен необходимы заявления о том, что "все — дерьмо" и "все — гады", а также пожелания быстрого и насильственного исчезновения всего наличного бытия.

Константин Кинчев, лидер ленинградской "Алисы", — мастер делать омерзительную рожу в полном соответствии с панк-стандартом. На этом основании он считает свою личную и сентиментальную продукцию панк-роком, и пытается усилить неприглядное впечатление жестким и монотонным музыкальным сопровождением.

Возникла парадоксальная ситуация — стремясь освободиться от искусственности лживого мира, современный панк прибегает к искусственным приемам и штампам и прекращает быть панком, по крайней мере в старом смысле слова. Отчасти это объясняется деятельностью неофитов, которые участвуют в ритуале, потерявшем концептуальную ясность и служащем для утилизации эмоциональных отходов, отчасти — положением панк-музыкантов, вынужденных добиваться сочувствия и поддержки у публики, а не искать самореализации путем борьбы со всем внешним.

Чистый и дилетантский стандарт панк-шоу публику уже не возбуждает, на панк-концерты ходят только те, кто не попал на что-то более престижное. Панк-рок превратился в самодетельную поп-культуру с весьма ограниченным кругом приверженцев.

Конец бессловесности

Для советского человека рок — это, прежде всего, англоязычный рок. Поклонники рок-музыки, не зная языка, не

понимают, о чем поют их кумиры, если не считать наивно-битловского: "зэ скай из блю, ай лав ю". Советские знатоки и ценители рока 60—70-х воспитаны на бессловесном роке, лишенном смысла и содержания. Другого рока просто не было. Поэтому с появлением отечественной рок-музыки, у публики и у исполнителей не возникло потребности в активном тексте. Поэтому практически у всех ранних советских рок-групп слова — лишь партия для вокалиста.

Панк-рок дал первый пример творческой деятельности в рамках строго фиксированной эстетической системы. Эта тенденция получила свое дальнейшее развитие в творчестве лучших представителей советской "новой волны".

Альтернативный рок группы "ДК" стал революцией текста, энергичного образа и парадоксальной мысли против вялого, ватного и бессмысленного в общей массе советского рока до 80-х. Текст в панк-роке уже не нуждается в собственной осмысленности, служа лишь выражением осмысленной позиции. Текст антилиричен и античувствен, он не продукт ассоциативного драйва и потока сознания. Он — продукт художественного конструирования, ибо создается с учетом заранее выдвинутых идеологических требований.

Время бессознательного "текста вообще" кончилось с приходом панк-рока.

"ДК" — парадигма советского панка

Творцом тотально полистилистического рока следует признать группу "ДК", созданную в начале 80-х Сергеем Жариковым. Он и сейчас ее руководитель, идеолог, автор текстов, композитор и аранжировщик, играющий на ударных. В группе выступали первоклассные музыканты — Яншин (гитара) и Летов (духовые). Существование группы погружено в глубокий туман, она практически не давала публичных концертов, оставаясь в подполье и неизвестности для широкой аудитории. В нечеловеческих условиях существования, когда даже упоминание ее названия считалось криминалом, группа записала 30 альбомов по 45 минут каждый! Качество записей отвратительное, слова часто едва различимы, звук "плывет", но это не мешает оценить радикально новаторский и в то же время традиционный до реакционности подход "ДК" к своей музыкальной продукции.

"ДК" играла во всех известных рок- и поп-стилях: от рокабилли, рок-н-ролла и блюза до джаз-рока, хард-рока и регги, от колыбельной и блатной песни, от народной частушки до ресторанного мелодраматического шансона, от менуэта и полочки до танго, вальса и марша. Очень часто

"ДК" брала "чужие" темы, мотивы, отдельные инструментальные партии, или целиком вся музыка аранжировалась на два-три инструмента и ударные, после чего под это подкладывался оригинальный текст.

Такое творческое заимствование оправдано моментальным опознанием выбранного стиля, который позволяет без хлопот и с ясностью канона сочинить, сыграть и воспринять обесцененную и ничего не значащую музыку. Стилистическая всеядность помогает року дискредитировать и разрушать все "окружающие" стили. Она же способствует растворению самого рока в "общечеловеческом" и "общезначимом" китче.

Деятельность "ДК" вполне можно назвать антикультурной и антимузикальной. Ведь она погружает любую музыкальную форму в состояние холодного и пластмассового китча и отрицает ее самостоятельное существование. Таким образом, "ДК" ясно показала, что рок, начатый Элвисом Пресли и "Битлз", выродился и умер, оставив после себя гниющий труп, последовательно и с энтузиазмом вскрытый и разъятый группой Жарикова.

После "ДК" искренний и наивный рок-н-ролл, любые его производные, по крайней мере, на советской почве неизбежно свидетельствуют о недоразвитости или реакционности. Жариков утверждал, что "советский рок должен выйти из подворотни". И советский рок не только вышел, но и затащил в подворотню все, что нашел вне ее, всему дав цену и все поставив на место.

То, что панк пытается совершить в сфере социально-психологической, "ДК" совершила в сфере музыкальной. Панк-рок, как музыкальный стиль, есть капитуляция перед засасывающей помойкой, обнаруженной "ДК" на месте биг-бита.

Панк и индивидуализм

Панк-идеология реально противостоит идеологии сентиментального индивидуализма, который пропагандируют любимцы молодежи — ленинградские группы "Кино" и "Аквариум". Не отстает от них и "Алиса", по недоразумению считающая себя панк-группой:

Я не хочу пожара, но огонь зажжен.
Если ты веришь мне, — ты пойдешь со мной.
(*"Алиса"*)

Этот рок подозревает в человеке уникальную личность, большие тайны и глубины души, скрытые от поверхностных наблюдателей, но открытые для тех, кто хочет понять. Индивидуалист только и мечтает, чтобы его кто-нибудь понял, в этом для него — высший кайф:

Мне не нужна, поверьте, вся эта возня
Лишь было б десять человек, что поняли меня.
(*"Проходной Двор"*)

Этим покровам тайны, окружающим секретный заговор индивидуалистического или "эскапистского рока", противостоит полная ясность внутренней жизни героя альтернативного панк-рока:

Я — огрызок, царь среди помойки,
Кем-то я украдкой разжеван.
Потому я очень жизнестойкий,
Потому спокоен и доволен.
А ты ушла, шала-ла-ла-ла,
А ты ушла, шала-ла-ла-ла...
(*"ДК"*)

Тема собственного пути, своего видения, своего мнения занимает важнейшее место в пропаганде достоинств индивидуалиста:

Я пою для тех, кто идет своим путем,
Я рад, если кто-то понял меня.
(*"Алиса"*)

Индивидуалист пытается быть серьезным и даже трагичным, он погружает реальность в тайну, мучает зрителя загадкой:

Темно-красный мой цвет,
Но он выбран, увы, не мной.
Кто-то, очень похожий на стены,
Давит меня собой.
(*"Алиса"*)

Панку тоже не сладко, однако, он выражается проще, его ситуация яснее, и позитив, если он есть, будет гордо выпячен вперед:

Я самый плохой,
Я хуже тебя,
Я самый ненужный,
Я дрянь.
ЗАТО Я УМЕЮ ЛЕТАТЬ!
Я — серый голубь.
(*"Звуки Му"*)

Если в панк-роке и есть что-то от индивидуализма, то настолько очевидно и без претензий, настолько мелко, что нет слов, способных назвать это состояние. А зачем? Панк — весь на поверхности.

Хулиган ли панк?

С точки зрения официального мнения, любое неуправляемое и нерегламентированное действие, нарушающее общественный порядок, есть хулиганство. Поскольку в действиях панка нет утилитарной цели и стремления к ее достижению, постольку для общества панк есть хулиган, то есть злостный нарушитель общественного порядка.

Панк может петь о хулиганах, может сам вести себя как хулиган, но хулиганом он никак не является.

Меня зовут шпана, Эспозито Фил.
Я никогда не скулил, всю жизнь не скулил.
Я из колонии раньше срока пришел,
И мне теперь хорошо, я теперь большой.
(*"ДК"*)

Хулиган энергично действует от избытка своей физической силы, желания прямой и тупой агрессии. Хулиган самодоволен, его вполне устраивает и радует тот мир, в котором он живет. Правда, этот мир немного жесток, но хулиган способен за себя постоять, и тогда равновесие личности и общества восстанавливается. Хулиган — романтик, он склонен поэтизировать свою грубую силу. Хулиган не развит, он туп и ограничен. Ему не больно.

Панк — пассивен и депрессирован, на открытую демонстрацию своей антиобщественной сущности решается крайне редко и не интересуется достигнутым результатом. Панк слаб.

О, Вы амбал, Эспозито Фил,
А у меня нет сил, совсем нет сил.
Меня железно преследует страх,
А Вы в штанах, Вы всю жизнь в штанах
(*"ДК"*)

Панк не агрессивен, правота его позиции ему настолько очевидна, что он не хочет ее кому-то доказывать, а тем более кого-то бить. Зачем что-то ломать, когда и так все разрушено. Панк обуреваем комплексом неполноценности, он не устроен в жизни и испытывает жестокий дискомфорт. Равновесие между личностью и миром недостижимо, ибо у панка нет личности, а мир — грязная помойка. Вместо равновесия возможно лишь слияние двух куч мусора (человека и мира) в единую свалку, что панк и старается осуществить в меру своих слабых сил. Никакой романтики здесь нет. Позиция панка — интеллектуальна, концептуальна и не утилитарна. Панку в самом деле больно.

Хулиган серьезен, он верит в свой путь, чем сильно похож на сентиментального индивидуалиста. Панк — ирони-

чен, он со всем соглашается, он все знает и видит, все понимает, но ни во что не верит.

Я простой советский хулиган,
У меня есть ножик и наган.
Я как баба нежная хитра,
Я пыряю прямо до нутра!
хор: Пыряй, пыряй, а нам совсем не страшно,
А мы купим "мерседес"
И уедем с бабой в лес.
(*"ДК"*)

Панк-рок это не хулиганские песни. Это попытка художественного выражения панко-сознания и панк-прозрения в сущность мира. Панк-рок всегда ироничен, в нем много пародии и провокации, в нем нет размягченной искренности и нежности. Большинство песен "ДК" или "Звуков Му" производят на слушателей кошмарное впечатление своей кажущейся распушенностью, грубостью и дурным вкусом. Мы испытываем шок, узнав самих себя. Значит, музыканты достигли своей цели, и обзывать их хулиганам за то, что они показали нам нас же, — несправедливо.

Если волк — санитар леса, то хулиган — санитар социума. Панк никого не лечит, он открывает глаза. Панк — больная совесть современного общества.

Можно ли считать панка врагом режима? Вряд ли. Для панка советская власть, как нечто цельное, не существует. Каждый милиционер в первую очередь — сам за себя. Издеваясь над советской песней, советской символикой, советскими пропагандистскими штампами и государственными деятелями, панк не видит в них никакой внутренней связи, взаимообусловленности и сомневается в их прочности и устойчивости. Они для него — набор разрозненных и непонятных феноменов. Издевательство над Брежневым не воспринимается панком как выражение или отвержение какой-то позиции. Для панка Брежнев, как и любой советский человек, — такой же персонаж террористической атмосферы, как и Волк из мультфильма "Ну, погоди!" или продавщица из винного магазина.

Петр Мамонов

Петру Мамонову уже за 30. Он обладает необычной пластикой тела и лица при совершенно неподвижных, тупых и невыразительных глазах, полных пустоты и дикости. Его манера движения похожа на резкие и неуклюжие судороги паралитика, человека-автомата. Его руки и ноги вращаются, как на шарнирах, выкручиваются в самых немыслимых положениях, дергаются и вибрируют со стробоскопической быстро-

той. Мамонов постоянно бодает воздух, поводит плечами, скашивает рот в гримасе отвращения, лижет и заглатывает микрофон. Все это он проделывает совершенно серьезно, спокойно и естественно, производя устрашающее впечатление. Мамонов своим танцем вводит публику в гипнотический транс, как факир, завораживающий кобру. Его движения и жесты, взятые взаймы из бездонного арсенала повадок советских алкоголиков, непросыхающих пролетариев, психов и невротиков, легко узнаваемы и любимы молодежной аудиторией.

Мамонов — лидер группы "Звуки Му", автор всех ее композиций. Его персональное шоу сопровождается квакающей и булькающей музыкой. Тексты Мамонова — абсурдные описания ужасных алкогольных сцен, диких отношений между персонажами, которые не столько образны или символичны, сколь жутки, депрессивны, и являются единственно существующей реальностью ночного кошмара, бреда и пьяного угара.

Как только завидю осанку твою,
Я понимаю, как тебя люблю.
Как только завидю крутые бока,
Знаю и вижу — ты будешь моя!
Бутылка водки!

(*"Звуки Му"*)

Коля рок-н-ролл

Звезда, идеолог и Папа панк-движения в СССР, поэт и музыкант, неформальный общественный деятель и шоу-мен. Коля высок, у него вытянутое лицо с большим носом, выпученными глазами и выбитыми передними зубами. Коля не молод, ему за 30. Одевается в стиле ретро, ярко, манерно, и не без вкуса (естественно, панк-вкуса). Он очень вежливый, скромный и тихий человек. Друг всех несчастных и покинутых. Гуманист и просветитель.

Коля создал теорию панк-движения, которая объясняет его сугубо гуманный характер и стремление выпятить свою смешную и незавидную участь, сущность и внешность и утвердить самоуничтожением свое автономное и законное бытие перед лицом социально защищенных, славно устроившихся и конформистски настроенных сверстников.

Коля Рок-н-ролл известен своими длинными абсурдистскими стихами, которые он иногда исполняет под чье-угодно сопровождение на домашних концертах. На публике Коля старается вести себя так, чтобы всем было странно и противно. Однако его действия часто оставляют впечатление наигрыша и позы. Коля — энтузиаст, и всегда готов устраивать невинно-провокационные шоу. На концерте "Зву-

ков Му" Коля демонстрировал, как можно использовать рублевую купюру вместо туалетной бумаги, а затем сжигал ее. После чего Колю носили перед сценой на руках, а он изображал околевшего покойника. Потом Коля Рок-н-ролл куда-то исчез на несколько лет, что неудивительно. Ведь он нигде не работает и нигде не живет, за что сильно нелюбим милицией.

Гор

Гор — виднейший деятель московского андерграунда. У него крупная фигура, резкие и правильные черты лица. Он отличается от Пети Мамонова и Коли Рок-н-ролла тем, что не корчит из себя дебила и выродка. Гор — интеллеktуал, по образованию — физик. Когда он, торжественно заикаясь и запинаясь, читает свои стихи, то публика трепещет от ужаса и страха.

Выступая в качестве ведущего шоу-мена с группами "Вежливый отказ" и "Метро", с театром моды "Пост", Гор устраивает зрелище потрясающей силы, превращая музыку в звуковой бульон для своих пластических опытов. Стоя на одной ноге, облаченный в галифе и китель, Гор медленно натирает мелом, превращаясь в статую. Или играет на скрипке куском дефицитной говядины. Или выкатывает на сцену, завернутый в рулон желтой бумаги, из которого вырывается, резкими движениями разрывая бумагу на части. Или ходит по сцене в одежде, скроенной из карт СССР.

Образ Гора — безумный сталинист, сторонник жесткости и порядка, дошедший до абсурда и психического разложения. Абсурдизм Гора тоталитарен и антигуманен, он карает умиленный пост-брежневизм "перестройки". Гор не столько панк, сколько авангардист и концептуалист, мастерски использующий панк-стиль. Панки любят Гора за зрелищность, но не понимают и не ценят его злобных, ироничных, отстраненных стихов. Гор — интеллектуальная оппозиция еще живущему сталинизму, пост-сталинизму и даже неопост-сталинизму, если такой, конечно, существует.

Куда девался панк?

Позиция панка — позиция социальной незащищенности, позиция заведомого и окончательного поражения, позиция открытого признания своей ущербности и неправоты. Это слишком удобная мишень для агрессии со стороны общества.

Панка, который стремился быть самим собой, изображая мерзкий персонаж, окружающие сочли за такового и соответственно к нему отнеслись. Панки были раздавлены. Все они не раз побывали в отделениях милиции и дурдомах, чему способствовали их экзистенциальные опыты, а также безбрежный алкоголизм и токсикомания. Панки надеялись с их помощью стать официально признанными шизофрениками и избежать армии, но стали неформальными психами и невротиками, жертвами психбольниц и камер предварительного заключения.

Панки играли свою роль до конца и никак не соглашались, что они такие же как все.

Но панк-идея не пропала даром. Следующие поколения, нуждаясь в более совершенной защите от агрессии помойки, обнаруженной панками, использовали тот же способ маскировки и провокации. Только они выдавали себя уже не за первооткрывателей помойки, а за самих обывателей, совбуржуа и мещан, первейших врагов всякой дряни и гнили.

Так родился "ню-уэйв". По-русски — "новая волна"!